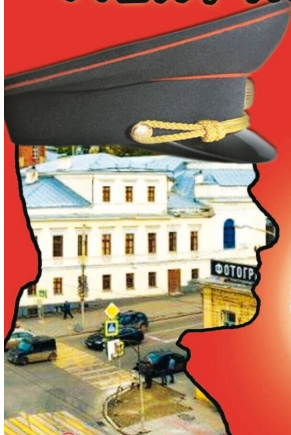

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Дмитрий Дашко

МЕНТ ПРАВИЛЬНЫЙ

«КРЫЛОВ»

Дмитрий Николаевич Дашко
Мент правильный
Серия «Исторический
детектив (Крылов)»
Серия «Мент», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67968312

Мужской клуб:

ISBN 978-5-4226-0375-6

Аннотация

НЭП, новая экономическая политика, породила не только зажиточных коммерсантов, но и большое количество преступников. Вымогатели, грабители, воры всех мастей вооружены до зубов – только что закончилась Гражданская война и деклассированный элемент ещё живёт по её законам. Когда майор российской полиции Георгий Победин оказался в 1922 году, ему пришлось вспомнить опыт «лихих девяностых». «Ревущие двадцатые» не стали для матёрого опера нерешаемой задачей. Если ты по жизни мент и специально обучен продвинутым методам криминалистики, уголовный розыск будет только рад новому сотруднику. Тем более работы в розыске не продохнуть: и уголовники житья не дают, да и никогда не знаешь,

кто находится рядом – человек с ярким прошлым, наследие старого режима или оборотень под личиной сотрудника угро...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	43
Глава 6	53
Глава 7	61
Глава 8	70
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Дмитрий Дашко

Мужской клуб

© Дашко Д., 2021

© ИК «Крылов», 2021

Глава 1

Хмурый взгляд, которым меня наградил врач, не предвещал ничего хорошего. Хотелось выматериться, но было как-то неудобно перед доктором. Человек интеллигентный, в очках...

– Георгий Олегович, а вы в курсе, что у вас предынфарктное состояние? – произнёс эскулап, когда бросил рассматривать кардиограмму, лежащую на его столе.

Я заёрзал на стуле. Седалище и так было жёстким, а теперь вообще превратилось в наждачную бумагу.

– И насколько это серьёзно?

Ненавижу ходить по врачам. А всё дочка: «Папа, запишись на приём. Что-то ты у меня какой-то бледный и за грудь постоянно хватаешься!»

Сходил, называется...

– Серьёзнее некуда. Как давно у вас эти симптомы? – продолжил выпытывать доктор.

– Дня два уже, – прикинул я.

Он встревожился ещё сильнее:

– Два дня! Вас нужно срочно госпитализировать!

Сказав это, врач – полноватый мужчина моего возраста, то бишь не так давно разменявший «полтинник» – потянулся к стационарному телефону.

И в этот момент зазвонил мой сотовый.

– Доктор, простите, – повинился я. – Работа.

При моей работе, действительно, нужно находиться на связи двадцать четыре часа в сутки, включая редкие выходные и не менее редкий отпуск.

Звонил мой давний осведомитель – Коля по прозвищу Кислый, и этого звонка я ждал целую вечность.

– Георгий Олегович, я нашёл Аллигатора. Он на хате у своей подруги. Адрес знаете?

Подруг у Аллигатора как блох у барбоски. Всех не перечсть.

– Диктуй, – приказал я.

– Олимпийская тридцать девять, квартира сорок пять. Только приезжайте как можно быстрее, он скоро снимается с адреса. Ищи потом ветра в поле, – зататорил Кислый.

– Понял тебя, выезжаю. – Я выключил смартфон и посмотрел на доктора. – Вы меня простите, но госпитализация откладывается. Я ненадолго: сгоняю по-быстрому в один адресок и сразу назад, сдаваться.

– Георгий Олегович! Вы что себе позволяете?! Это не шутки! – разволновался эскулап. – Да уж какие там шутки. Два часа, и я буду здесь как штык. Слово офицера!

– Хорошо, – сдался он. – В конце концов, это ваше здоровье и ваша жизнь.

– Именно. Спасибо за понимание!

Сказав это, я откланялся.

Говоря по правде, в этот момент на душе кошки заскреб-

ли, но потом азарт взял своё. Я был гончей, идущей по следу. В такие моменты меня трудно переубедить.

Что касается здоровья – два дня проходил, значит, два часа ещё потерпит.

Я вызвонил наших – по всему выходило, что до хаты, в которой ныкался Аллигатор, ближе всего было мне. Остальные находились в таких ипeneaх, что смогут добраться туда через час, если не позже. За это время Аллигатор действительно может нырнуть на такое дно, что весь личный состав доблестной полиции нашего города не разыщет. А этот гад был нужен мне позарез, и это было личное.

Месяц назад Аллигатор убил моего лучшего друга. Тот подрабатывал таксистом и в один злополучный вечер отвозил поддавшего Аллигатора и его кореша из ресторана. Бандиты отказались платить, завязалась драка.

В итоге друга пырнули ножом, задели жизненно важные органы, он умер на операционном столе, не приходя в сознание. Жена стала вдовой, двое детей остались без отца и кормильца.

Я поклялся найти убийц, чего бы мне это ни стоило.

Сначала вышел на подельника – помогли пальчики из картотеки. Тот быстро раскололся и сдал Аллигатора. А потом фарт закончился: основной фигурант бросился в бега. Если бы не наводка Кислого – не видать мне Аллигатора как своих ушей.

Пока вспоминал, не заметил, как оказался в нужном рай-

оне.

Олимпийскую улицу строили аккуратно к московской олимпиаде, на фасаде одного из домов даже нарисовали легендарного мишку. Улица получилась малоэтажной и довольно симпатичной. Из минусов разве что расположение практически на самом конце города – через дорогу начинался лес. Хотя... может, это и не минус. Не все любят шум центральных районов, через которые проходят основные транспортные артерии.

Я оставил машину у соседнего дома: вряд ли Аллигатор знает мою тачку, но осторожность превыше всего. Здесь он точно ничего не увидит. И значит, я его не вспугну.

Время рабочее, мест для парковок полно в каждом дворе, не нужно наматывать круги по микрорайону.

Стоило выйти из машины, как снова бросило в пот. Рубашка просто прилипла к влажной спине. К горлу подступил противный комок.

Ничего, пообещал я себе, возьму Аллигатора и в больницу. Там меня подлатают. Не впервой.

Хотя с сердечком прежде таких проблем не было. Лечился обычно от другого: то спину сорвал, то после ранения валялся. А так, чтобы «моторчик» забарахлил – ещё не стескивался. Как-то не верилось, что такое произойдёт со мной.

Права дочка, нужно бросать курить. Может, заодно от трескучего кашля избавлюсь.

Дочка ещё про нервы говорила. Дескать, все болезни от

них. Просила, чтобы как можно меньше думал о работе.

Я, может, и рад бы не думать, но вот не переживать за работу, увы, не получится. Хреновый был бы из меня опер в таком случае.

Кислый подскочил сразу, как только я нарисовался у подъезда, и тут же заговорил в характерной для него горячечной манере. Не хватало разве что активной жестикуляции.

– Георгий Олегович, он там... Никуда не выходил...

– Не части, – попросил я. – Уверен, что он всё ещё на хате?

– Зуб даю! – поклялся Кислый.

Он успел замёрзнуть и слегка приплясывал, чтобы согреться. А может, приспичило в туалет. Такое бывает сплошь и рядом. Пасёшь объект, мочевого пузырь готов разорваться, а тебе даже до кустиков нельзя. Работа, понимаешь, такая.

– Понял, Кислый. Держи, заслужил. – Наше ведомство к числу богатых не относится, но каждый опер время от времени должен стимулировать своих агентов не только морально, но и материально.

Специально для такой цели я заранее отложил пять штук, которые и вручил Кислому в далеко не торжественной обстановке.

От меня не убудет, а Кислому – если братва дознается, что он мой человечек, серьёзно поплохееет. И рискует он не только здоровьем, но и жизнью.

Впрочем, с некоторых пор многое изменилось. Братва

стучит ментам через одного, если не чаще, но огласки этой «интимной» стороны жизни никто не любит. Все делают хорошую мину при плохой игре.

Если на дело идёт «организованная» преступность, мы, как правило, узнаём кто, как и когда. И, разумеется, не в ходе глубокомысленного разглядывания в лупу следов преступления а ля Шерлок Холмс. Опера ноги кормят и армия надёжных осведомителей.

– Георгий Олегович, спасибо! – Кислый нервно сглотнул и судорожно запихал деньги во внутренний карман. – Ну я пойду, ладно? – Иди, а то не ровен час засекут.

Он задержался на секунду, бросив на меня настороженный взгляд:

– Что-то вы неважно выглядите, Георгий Олегович. С вами всё в порядке?

– Да иди уже, – раздражённо протянул я.

И этот туда же... Профессор кислых медицинских щей!

Осведомитель поднял воротник пальто и засеменил, не оглядываясь.

Я прикинул план дальнейших действий. Сунуться одному в квартиру?

Пожалуй, повременю. Дождусь кавалерии, а там что-нибудь придумаем. Лишь бы Аллигатор к тому времени не вздумал смыться.

Только успел об этом подумать, как домофон издал мелодичные звуки и железная, крашенная в революционный

красный цвет, дверь подъезда распахнулась, выпуская из бетонного чрева пятиэтажки того, за кем я пришёл.

Аллигатор – невысокий крепыш в китайском пуховике и джинсах с вытянутыми коленками, осторожно повертел башкой и, не заметив меня, пошагал, низко склонив голову. Он горбился, а его подбородок практически лежал на груди.

В руках была объёмистая спортивная сумка.

Эх, не успела моя «кавалерия». Значит, сам. Но это даже к лучшему – хочешь, чтобы было хорошо, сделай лично.

Пистолет давно был снят с предохранителя, а в ствол, вопреки всем инструкциям, «загнан» дополнительный патрон. Фишка, перенятая от вояк, которая спасла жизнь не одному оперу.

Сердце предательски кольнуло. Я невольно поднёс руку к груди.

Слышь ты, четырёхклапанное, не вздумай подвести. Мне, пока дело не завершу, на тот свет никак нельзя.

Моторчик словно услышал обращённую к нему просьбу, меня отпустило.

Слава богу! Как хорошо...

Я уверенно преградил Аллигатору дорогу.

– Стой, сука! Ты задержан. И даже не вздумай рыпаться.

Тот замер. Рот открылся, вытягивая и без того длинное некрасивое лицо. Сейчас он чем-то напоминал мужика со знаменитой картины Эдварда Мунка «Крик». Не хватало разве что рук, сжимающих голову словно тисками.

– Гражданин майор, вы? – с непередаваемой тоской в голосе воскликнул он.

Нет, с Аллигатора точно надо картины писать. Столько выразительной мимики на каждом квадратном сантиметре «фейса» – звезда МХАТа с зависти помрёт! От ужаса и паники до лихорадочной работы мозга.

Спасать свою шкуру Аллигатор умел. Я всегда помнил об этом и потому не спускал с него глаз.

Я бросил на асфальт перед ним наручники.

– Аккуратно нагнись и надень «браслеты». Повторяю, не вздумай хоть что-то выкинуть – первый выстрел в тебя, второй в воздух.

Он покладисто кивнул и потянулся за «украшением».

В этот момент в сердце даже не кольнули – кто-то будто загнал в него осиновый кол. Мать божья! Как мне хреново.

В глазах помутилось, стало не хватать воздуха, ноги подкосились.

Бандит уловил произошедшие со мной перемены. Он мог бы совершенно спокойно убежать – у меня просто не осталось сил, чтобы выстрелить, пистолет превратился в двухпудовую гирю, просто невероятно, что он ещё не выпал из руки.

Однако на Аллигатора что-то нашло.

Отбросив сумку, он кинулся на меня, сбил с ног и вцепился стальной хваткой в горло. В эту же секунду мой палец сам по себе лёг на спусковой крючок. Грохнул выстрел.

Я увидел испуганные глаза Аллигатора, которого стремительно покидала жизнь. В них было столько паники, что хватило бы на нас двоих.

Вот только я не паниковал. Мне почему-то было хорошо от мысли, что ещё один урод с моей помощью спроважен на тот свет, что теперь на земле стало меньше сволочи и что друг отомщён.

Кажется, я улыбался, хотя у меня не было сил даже на это. А ещё передо мной вдруг вспыхнул яркий, зовущий свет. И я не мог сопротивляться его зову...

* * *

– Олегыч, ты что? – опер Мартынов склонился над распротёртым на холодном асфальте телом своего начальника – майора Победина.

И сразу резко распрямился, сдёрнув с головы клетчатую кепку, которая делала его похожим на шотландца – такого же рыжего и усатого, какими их показывают в кино.

Победин уже не дышал, но на его устах почему-то застыла странная улыбка, словно в последние секунды перед смертью Георгий Олегович увидел что-то удивительно прекрасное.

– Эх, товарищ майор... Ну как же так?! – с горечью простонал опер.

– Сердце, – пояснил напарник Мартынова – Ивашов. – Кардиолог начальству все телефоны оборвал. У Олегыча

предынфарктное состояние обнаружилось, а он вместо госпиталя дёрнул Аллигатора брать.

– И взял, – добавил тихо Мартынов, но его все услышали.

Рядом с Побединым лежало ещё не успевшее остыть тело бандита, за которым отдел гонялся уже столько дней. Лицо Аллигатора превратилось в страшную посмертную маску. Он будто успел заглянуть за порог загробной жизни и увидел там весь ужас, который его ждал на вечные времена.

– Знаешь, мой дядя говорит: «Люди не умирают, они лишь становятся невидимыми», – сказал Ивашов.

Мартынов кивнул.

– Красиво сказано. Образно.

Он ещё раз посмотрел на улыбавшегося Победина, потом перевёл взгляд на напарника:

– Ивашов, скажи – ты в переселение душ веришь?

Оперативник пожал плечами.

– Не знаю, а что?

– Да так... Мне кажется, наш майор, в кого бы его душа сейчас ни вселилась, как был ментом, так ментом и останется. – Он помолчал. – Знаешь, Ивашов, а ведь я сегодня наквакаюсь. Так наквакаюсь, что домой на четвереньках приползу. И хрен с ней, с работой! Как-нибудь обойдутся без меня.

– Тогда уже вдвоём наквакаемся, – твёрдо заявил напарник.

Глава 2

Страшная боль в голове заставила меня застонать и открыть глаза. Почти сразу кто-то громко ойкнул (судя по голосу, женщина) и выпустил из рук нечто железное, с грохотом ударившееся об пол.

И тут же со всех сторон послышались возгласы – преимущественно ругань и маты.

К сожалению, в том месте, куда я попал, освещение было тусклым, и я ничего толком не мог разглядеть. А может, подводило зрение. Этого я тоже не исключал.

Радовало одно: я жив, иначе бы не испытывал ту боль, что заставила меня очнуться. Интересно, насколько всё серьёзно?

В нос ударили типично больничные запахи... уж что-что, а мне они были хорошо известны. После ранения нанюхался, до сих пор подташнивает.

Самый главный в этой «симфонии» – ни с чем не сравнимый аромат хлорки, с которой у нас готовы мыть всё, что угодно.

В поле зрения возникло большое размытое пятно. Я напряг зрение и увидел, что пятно на самом деле являет собой вполне милый овал девичьего личика. Волосы девушки были спрятаны под аккуратной белой косынкой.

Я смог опустить взгляд и разглядел такой же белый потрё-

панный халатик.

Всё ясно, медсестра или санитарка. Но вообще халатик нетипичный. Сейчас медики всё больше какие-то курточки с брюками носят. И даже цвет далеко не всегда белый.

Что из этого? Да только одно – я нахожусь в медицинском учреждении: в городской больнице или в нашем, профильном, госпитале... Да собственно, неважно где. Главное, жив... а что насчёт здоров – так узнаем со временем.

Руки-ноги точно меня слушались. Уже что-то из разряда приятного.

– Здравствуйте, барышня, – постарался улыбнуться я.

Меня очень смутило несколько ошеломлённое выражение её лица. Такое чувство, словно я, подобно Лазарю, воскрес из мёртвых и этого точно не ожидали.

Девушка почему-то не стала отвечать. Лишь ойкнула, тем слегка меня озадачив.

Наверное, моя внешность не располагала к себе и не вызвала у барышни симпатии.

Ничего страшного, дайте немного времени, и я смогу растопить даже ледяное сердце Снежной королевы.

Кстати, насчёт сердца – это оно сыграло со мной злую шутку, когда я почти взял Аллигатора? И да, что с бандитом – я был уверен на все сто, что спровадил его к праотцам, однако в нашей жизни сплошь и рядом бывают случайности. Вдруг этого сукина сына реанимировали?

Лицо барышни исчезло. Хлопнула дверь.

Не зная, можно мне или нельзя, я не стал привставать, чтобы хорошенько осмотреться. Больнички – они и в Африке больнички. Чего я в них не видел?

Лишь бы соседи по ночам не храпели, да кормёжка была сносной. Дочка у меня хоть уже три года как замужем, но толком готовить не научилась, так что на домашние разносолы рассчитывать не приходится. А традиционные апельсины, которые почему-то принято приносить в передачах, я терпеть не могу.

Повеяло сквозняком аккурат с того места, где я по звуку угадал расположение двери. В палату кто-то вошёл.

– Вы уверены, что он очнулся? – голос был мужским и слегка сварливым.

– Уверена, Карл Иванович.

А это уже женщина. Видимо, недавняя сестричка.

Надо мной снова нависла тень. На сей раз это был мужчина с маленьким лицом, сплошь и рядом покрытым морщинами. Его глаза за толстыми линзами очков походили на два фарфоровых блюда.

– Георгий Олегович, как вы себя чувствуете?

– Пока могу точно сказать, что – чувствую, – попробовал пошутить я.

Ни тени улыбки на лице. М-да, шутка пропала впустую.

– Вы уж извините, но мне придётся вас осмотреть. Если будет больно, голубчик, вы уж сделайте милость – потерпите. В конце концов, всё же для вашего блага.

– Конечно, доктор.

Карл Иванович приступил к осмотру.

Сколько он длился, не знаю, но каких-либо болезненных ощущений у меня не возникло. Да и вообще, у меня вдруг появилось чувство, будто я помолодел лет на двадцать пять-тридцать.

А когда доктор ушёл, я, к своему удивлению, обнаружил некоторое подтверждение этому странному чувству.

Зубы... к своим пятидесяти я успел благополучно лишиться нескольких жевательных: не помогли даже визиты к стоматологу. Зубы просто сами крошились и выпадали. То ли хреновые гены, то ли экология. Но не в том суть.

Проведя языком по рту, я сделал неожиданное открытие: у меня вдруг «выросли» зубы. Блин, неужели пока валялся в отключке, мне сделали протезирование?

Далеко наша медицина пошла, ничего не скажешь!

Имплантаты – штука дорогая. У меня на них отродясь денег не было.

Неужто начальство расщедрилось? Так сказать, всё ради дорогого сотрудника предпенсионного возраста... Но такая щедрость бывает только в сериалах про ментов.

Обычно начальство жмёт даже маленькую копеечку. Исключения бывают, но это не мой случай. Уж я-то нашего генерала знал как облупленного. Снега зимой не допросишься.

Тогда как? Точно не дочка. – Я Дашке сам помогаю, у них с мужем квартира по ипотеке – а это кабала на полжизни.

Новый богатый спонсор в городском ОВД? Не смешите мои тапочки! Их к нам калачом не заманишь.

Дело ясное, что дело тёмное.

Так... а с руками что? Не скажу, что у меня кожа на них старческая, вся в морщинах да в пигментных пятнах, но те руки, что предстали моему взору... Ну как бы сказать... Эти руки как-то мало смахивают на мои, привычные.

А главное, все в мозолях... Такое чувство, что последнюю неделю я без продыху дрова рубил.

Вставать мне пока не разрешили, но вот подниматься на локтях было можно. Я привстал и огляделся. Интересно же – в какую палату я попал?

М-да... интерьерчик так себе, какое-то совсем уж ретро. Мне казалось, что медицина хоть как-то, но финансируется, однако палата моя наводила на совсем уж грустные мысли.

Во-первых, это была даже не палата – а здоровенное помещение со сводчатым потолком, и лежало в нём человек двадцать-двадцать пять. Оно, конечно, лучше, чем в коридоре (и такое было в моей жизни), но всё равно странно.

Во-вторых, обстановку иным словом как спартанская и описать невозможно. Всё как будто из музея. Даже занавески на окнах и халаты на ходячих пациентах. Сплошной винтаж.

Ну и освещение тоже не фонтан. В какой-то момент оно просто – бац! – и вырубилось. И никого это ни капли не смутило. Как рядовое явление и только.

Появилась санитарочка – та девушка, которую я увидел

как только очухался, и с её появлением зажглось чудо техники, опознаваемое как лампа-керосинка. У меня в деревне такая же на чердаке валяется – наследство от бабушки с бабушкой.

Проблема с электричеством смутила меня ещё сильнее. Это ведь больница, тут операции делают. На всякий экстренный случай должны быть свои генераторы... Хотя если они слабые, то мощности на палаты может не хватать, успокоил я себя.

Пришло время обеда. Появилась санитарка – полная женщина, едва вписывавшаяся в дверной проём. Ей помогали двое ходячих – тащили котлы с едой.

Хм... в прошлые разы прикатывали столик с тарелками, а тут опять несколько старомодно, что ли...

Но жрать хочется! В желудке одна кишка за другую заходит.

На первое был жидкий супчик, на второе – нечто размазанное по тарелке. Вместо хлеба кусочек твёрдого как камень сухаря, цветом напоминающего уголь-антрацит. Ну и сладенький компот, без него – никак.

В принципе, у нас в столовке кормили ничуть не лучше, так что свою порцию я умял в два счёта. И опять же меня удивил тот зверский аппетит, с которым я накинулся на еду.

Давно не ел с такой жадностью. Даже на ностальгию пробило: словно вернулся во времена студенческой молодости, когда вечно ходил полуголодным, ибо стипендии не хватало,

а тянуть деньги с родителей не позволяла совесть – они и так у меня были людьми небогатыми.

С работой тогда было туго – девяностые во всей красе. Выживали с трудом. И рабочие руки нищего студента никому были не нужны.

После еды, как полагается, потянуло на удовлетворение иных потребностей.

Правильно угадав немую просьбу в моём взоре, санитарка подала судно.

– Держи, болезный.

Уже только один вид этой утвари вызывал сложные чувства... Будь моя воля, на четвереньках пополз бы к туалету, но... есть такое слово «нельзя».

Пришлось, кряхтя, сделать свои дела. Ужасно стыдно и неудобно. Уши, наверное, так покраснели, что за километр было видно.

К счастью, соседям по палате было наплевать на то, как я справляю вполне естественные надобности. Половина из них тоже не вставала. И не одному мне вдруг понадобилось «подумать».

После физического облегчения пришло облегчение моральное. Потянуло в сон. Я лёг набок, закрыл глаза и тут же провалился в небытие. Вот только выспаться не получилось.

– Жора, твою ж мать! – раздалось у меня над ухом. – Мне сказали, я не поверил! Живой! Мужики узнают – охренеют!

Кажется, обращались ко мне, хотя я жуть как не люблю

фамильярности и особенно, когда незнакомые люди называют меня Жорой. Аж скулы сводит!

Повернувшись на спину, я улицезрел высокого смуглого коротко стриженного парня, зачем-то облачённого в английский френч (уж что-что, а фильмов про Гражданскую в своё время просмотрено было немало).

Наверное, какой-нибудь реконструктор. Сейчас это довольно модно.

И всяко лучше, чем тупо пялиться в экраны смартфонов. Кстати, смотрелся френч довольно аутентично. Такое чувство, словно парень носил его каждый день, а то и спал, не снимая.

Сам реконструктор сиял при этом так же, как его начищенные до блеска сапоги. Это я тоже успел заметить как-то само собой.

– Жорка! – Он едва не кинулся на меня, чтобы обнять, но в последний момент остановился.

Его явно смутило недоумение, с которым я его встретил. А недоумевать, действительно, было с чего.

– Во-первых, здравствуйте! Во-вторых, не Жора, а Георгий, – принялся читать я нотацию. – Ну и в-третьих, я вам, молодой человек, в отцы гожусь!

– Жора, ты чего? – поразился незнакомец. – Издеваешься, что ли? Какие отцы? Я тебя на год старше!

Я подумал, что окончательно схожу с ума... Парню навскидку было лет двадцать, не больше.

Глава 3

Не обращая на меня внимания, он начал выкладывать на прикроватную тумбочку гостинцы.

– Извини, я на скорую руку собирался. Хватал, что под руку попало. Тут тебе сала немного, ситного у нэпманов в лавке купил... Свежий хлеб – недавно из печи. А вот табачку, прости, не раздобыл. Зато вот – махорочка есть, – похвастался он.

– Зачем? – не понял я.

– Станный вопрос – зачем махорка? Чтобы курить, – пожал плечами парень.

Махорку мне довелось попробовать в конце восьмидесятых, когда внезапно табачные изделия и мужские носки стали предметом страшного дефицита. Порой доходило до того, что солидные мужики подбирали бычки на улице – и я не шучу.

Те, кто довёл тогда страну до ручки, вполне заслуживали пули в лоб. И это тоже совсем не шутка.

– За хлеб и сало огромное спасибо! А вот махорки не надо, – твёрдо объявил я.

– А что такое? Уж извини, папиросы американские не по карману, – голос парня дрогнул. – До полочки далеко.

И мне вдруг стало глубоко противно за то, что я ненароком задел его чувства. Он ведь искренне рад встрече со

мной. Почему – другое дело, это я выясню потом. Ну, а я веду себя как сволочь какая-то. Блин, аж тошно.

Не по-людски это, не по-людски. Чувствую себя последней скотиной.

Надо как-то вырुливать из ситуации.

– Курить завязываю, – примирительным тоном сказал я. – Доктор запретил. Говорит, вредная штука – табак. Капля никотина убивает лошадь.

– Ясно. – Парня мои слова успокоили.

Не из обидчивых, и это вызывало к нему искреннюю симпатию.

Он улыбнулся и щёлкнул указательным пальцем по горлу.

– Ну, а с этим делом как? Не запретили?

– Нет.

– Так это же здорово! Надо бы обмыть твоё чудесное выздоровление. Правда, пока нечем, но завтра что-нибудь придумаем. Да, мужики тебе приветы передают. Рады за тебя – слов нет.

– Спасибо! Ты им тоже от меня приветы передавай! Пусть держатся! – и ведь не знаю пока, о ком речь, но говорю вполне искренне. – Обязательно! – пообещал парень.

Я набрал в грудь побольше воздуха, выдохнул и осторожно заговорил, надеясь, что после сказанного не стану выглядеть в его глазах идиотом:

– Слушай, ты извини, пожалуйста, но у меня с памятью что-то не того... Наверное, эта самая – амнезия. Что-то пом-

ню, что-то не помню⁷.

– А, ну это бывает, – кивнул он. – Я сам после контузии таким макарон мучился. Ничего страшного, потом в норму придёт.

– Хотелось бы...

– Да всё путём будет!

– Не сомневаюсь. Но на это время понадобится... ну ты сам по себе знаешь. И вот такая завычка – уж больно избирательно как-то память работает. Например, что меня зовут Георгием помню, а вот как тебя – прости, но забыл.

Он посерьёзней, подобрался и протянул мне руку.

– Тогда давай снова знакомиться. Михаил Баштанов – твой друг и по совместительству агент второго разряда губрозыска.

– Чего? – недоумённо заморгал я.

Признаюсь, слова Михаила загнали меня в тупик. Предположим, что такое губрозыск – понять можно, но что это за агенты, да ещё с разрядами? И ведь не шутит же он, вполне серьёзно говорит, пусть и с лёгкой иронией.

Может, и впрямь память отшибло?

– Коллега твой, – пояснил он. – Мы с тобой вместе в губрозыске работаем аж с двадцатого года.

– Две тысячи двадцатого?

Он задумчиво почесал макушку.

– Ну ты хватил, брат! Одна тыща девятьсот двадцатого.

– Понятно, – протянул я, хотя в действительности не по-

нял ровным счётом ничего. – С одна тысяча девятьсот двадцатого года, значит... Ну, а сейчас год какой?

– Так двадцать второй, – рот Михаила расплылся в широкой улыбке. – Причём, заметь – одна тысяча девятьсот двадцать второй.

– Это само собой, – не стал спорить я.

От услышанного голова просто шла кругом. Я просто не соображал, что со мной происходит и что вообще нужно делать в подобных случаях.

С ума сошёл? Вряд ли. Для психа я чересчур ясно и логично соображаю.

Ну и на программу «Розыгрыш» происходившее точно не походило. Да и кто я такой, чтобы так надо мной подшучивать? Обычный опер, каких пруд пруди.

И стоило мне только вспомнить о своей работе, как в мозгах что-то щёлкнуло. Пропала растерянность, пришла знакомая по службе злость – врётся, не сомнёшь! И уверенность в собственных силах. Опера никогда не сдаются!

Хрен знает, что со мной приключилось, но мент – на то и мент, чтобы из любой ситуации, даже той, что описывают фразой «полная задница», выйти победителем. А иначе грош мне цена в базарный день.

Одно жалко: как там дочка, как ребята из отдела? Уж не знаю, доведётся ли свидеться с ними. Скорее всего – нет, по вполне понятным причинам.

Вряд ли доживу до двадцать первого века, учитывая то,

что ждёт страну впереди. Одна Великая Отечественная чего стоит... Сколько людей погибнет, не узнав, что такое сладкое слово «победа»!

Но до войны ещё двадцать лет, и вряд ли мои познания о промежуточных патронах и командирских башенках на танках принесут пользу здесь и сейчас. Да и кто станет меня слушать?

Нет, я опер и если могу чем-то оказаться полезным стране, в которой когда-то родился, то только полученными за время службы навыками.

Михаил сказал, что я тоже работаю в угрозыске, то бишь по прямой профессии. Пора узнать детали.

– Слушай, Миша, ты – агент второго разряда, а я – кто? – закинул удочку я.

– Ты? Ну ты же у нас грамотный, потому делопроизводителем служишь, – огорошил меня Михаил.

Твою дивизию! Вот удар – так удар! Неужели я долбаная канцелярская крыса?

Но тут Миша хмыкнул, и я понял, что меня банальным образом разводят.

– Успокойся, Жора. Ты тоже агент и, представь себе, тоже второго разряда, – успокоил он.

Фух... прямо от сердца отлегло.

Ну не лежит у меня душа к перебиранию и складированию бумажек... Тут уж ничего не попишешь. Такой вот у меня характер. Лучше под пулю, чем рапорта строчить. Хотя тут я

малость передёргиваю. Писанины в органах всегда хватает. Иной раз шутят, что главное оружие опера – это его ручка. И, в общем-то, это не так уж далеко от истины.

Мне в первый раз пришлось применять огнестрельное оружие в командировке в Чечню, до этого как-то обходилось. Там же, кстати, и рану схлопотал, когда в спину прилетел осколок от шальной мины.

Миша оценил мою задумчивость по-своему, решил, что я устал и быстро засобирався, пообещав, что завтра заскочит, причём не один, а с ребятами из Угро.

И как мне на душе стало хорошо после его слов, как тепло... Наверное, так всего было один раз в прошлой жизни, когда узнал, что Дашка родилась. Я тогда неделю как сам не свой от счастья ходил. Готов был расцеловать каждого встречного-поперечного.

Тут кто-то окликнул меня. Я скосил глаза и понял, что моей особой интересуется сосед – бородатый мужичок с хитрым взглядом и окладистой бородкой.

– Зря, мил человек, от махорочки-то отказался. Не тебе, так другим бы сгодились, – пожурил он.

Я пожал плечами. Зря, не зря – это уж моё дело.

– Может, хоть салычем поделишься? – как-то по-детски заканючил бородач. – А то здесь такая кормёжка, что не знаешь, от чего попервей ноги протянешь: от хвори или с голодухи.

Поскольку у меня было умиротворённое настроение, я

охотно поделился с мужичкой салом, даже позволил тому отрезать кусочек от буханки.

После того, как сосед, чавкая и отрывая, покончил с угощением, я приступил к нему с вопросами, надеясь вывести из него как можно больше информации о себе нынешнем и о текущей обстановке.

Начну с главного, то бишь с себя – в госпитале я находился уже несколько дней, причём в бессознательном состоянии. По всему выходило, что меня порядком помяли в какой-то стычке – чем-то серьёзным так приложили по голове, что доктора вообще сомневались, смогу ли прийти в себя.

Но... не знаю, что произошло. Чудо, божественное вмешательство или какой-то технический фокус... В общем, я вдруг оказался в оболочке двадцатилетнего парня, сотрудника уголовного розыска, которого по странной случайности, а может, и не случайности, как и меня, звали Георгием. Так же совпадало и отчество. Но вот фамилия была не Победин, а Быстров. То есть теперь я Георгий Олегович Быстров, почти ровесник двадцатого века, ибо был рождён в тысяча девятьсот втором году.

Успел, что называется, побывать на «колчаковских фронтах», пусть и был в сущности сопливым юнцом. Хотя во время войны взрослеют рано. И Георгий Быстров дорос до командира взвода в овейной легендами Конармии Будённого (удивительно, как много, оказывается, вызнал обо мне любопытный сосед).

Потом... потом уголовный розыск, мобилизация на борьбу с поднявшим голову бандитизмом. Господи боже мой, как мне всё это знакомо!

Что касается всего остального, то – если быть кратким – на дворе сейчас НЭП (новая экономическая политика), которая была объявлена советским правительством в прошлом году.

Во многом загадочная и необычная эпоха, выламывающаяся за рамки стереотипов об СССР – стране победившего социализма. Увы, мои личные знания на сей счёт ограничивались теми скудными крохами, что отложились в памяти после просмотра фильмов и чтения художественной литературы.

Я знал, что многие вчерашние революционеры восприняли НЭП в штыки. Знал, что появилось целое сословие так называемых «нэпачей» или более привычных моему уху нэпманов.

И опять же многим это придётся не по нраву, ибо в нэпманах видели «контру», представителей того класса, с которым воевали ещё буквально вчера, и вопрос «за что кровь проливали?» отнюдь не был для многих красноармейцев риторическим.

Потом начнутся индустриализация и коллективизация, гайки закрутят. Нэпманы исчезнут как утренний туман.

В конце восьмидесятых их назовут по-другому: кооператорами. Потом это будут бизнесмены и предприниматели.

Имею ли я что-то против них? Разумеется, нет.

Влечёт ли меня революционная романтика? Тоже нет. Слишком хорошо врезались в подкорку слова о тех, кто пожинает плоды революции.

Что из этого следует? Да только то, что я должен находиться где-то посередине.

Ну а там как дело пойдёт. Может, сгину в бешеной пучине событий, которыми живёт молодая республика, а может, достигну чего-то такого, чего не добился сто лет тому вперёд.

Время покажет, товарищ агент уголовного розыска второго разряда Быстров.

Глава 4

Миша обещал навестить меня на следующий день, но так и не появился. В принципе, ничего страшного, учитывая специфику его работы – могли бросить на дежурство или услатить в командировку, обычное дело.

Но, когда он не появился на второй день, я уже встревожился не на шутку, да и тот факт, что кроме него ко мне больше никто не приходил, тоже не вызвал у меня энтузиазма. Что-то произошло, и это «что-то» вряд ли из разряда приятных сюрпризов.

Предчувствия меня не обманули.

Это случилось на третий день, когда мне разрешили вставать и даже совершать прогулки. Не представляете, какое это было счастье. Каюсь, грешен, как подавляющее большинство мужиков, люблю порой поваляться на диване, но всему есть предел.

Надо подвигаться, подышать свежим воздухом, округу рассмотреть.

Для прогулок больных предназначалась вымощенная булыжниками узкая дорожка, опоясывающая госпиталь почти ровным кругом. Здесь было довольно уютно: ровно подстриженные деревца и кустарники, скамейки, выкрашенные успевшей обесцветиться голубой краской, имелась даже беседка, которая практически никогда не пустовала. В ней обя-

зательно находились если не больные, так кто-то из персонала. И практически все курили: что мужики, что женщины, включая совсем ещё молоденьких медсестёр или санитарок.

По этой причине я старался не соваться в беседку. Ну как снова проклюнется желание посмолить? Папирос у меня не было, но при желании всегда можно разжиться самокруткой.

Нет уж, от греха подальше.

Вернувшись с такой прогулки, я застал в палате невысокого плотного крепыша, у которого, казалось, совсем нет шеи. Он был весь какой-то квадратный, с непропорционально большой головой.

Одет он был в кожанку и галифе, на боку – деревянная кобура «Маузера». Увидев меня, он выбросил руку:

– Привет, Быстров! Не надоело прохлаждаться?

– Надоело, – признался я и принялся разглядывать нового для меня человека.

Очевидно, с Быстровым они были хорошо знакомы.

Вот только внешний вид посетителя мне ничего не говорил. Была тайная надежда на какие-то воспоминания от настоящего Быстрова, но, похоже, неоправданная.

– Тогда собирайся, – приказал крепыш.

– Собирайся? – удивился я. – Куда?

– На службу, куда же ещё! – удивился не менее моего визитёр. – С доктором я уже договорился. Он считает, что ты пошёл на поправку. Всё равно через два-три дня выпишут бы. А что касается твоего здоровья... Ну, какое-то время поза-

нимаешься бумажной работой, а то у нас совсем дело швах.

Тьфу ты! Накаркал Мишка! Походу придётся мне побыть канцработником или как там их называют в это время. С другой стороны – не пишбарышней, и то хлеб!

А валяться в госпитале надоело хуже горькой редьки.

– Слушаюсь! – обрадованно произнёс я, вызвав некоторое недоумение во взгляде мужика в кожанке.

Неужели узрел в моих словах что-то старорежимное, оскорбительное для его уха? М-да, похоже, язычок-то придётся покусывать... как бы не ляпнуть ненароком нечто вроде «товарищи офицеры». Могут не понять, а непонимание в некоторых вопросах тут заканчивается «стенкой».

А что же всё-таки произошло, если понадобилось выдёргивать раненного сотрудника. В принципе, вполне логично выведать об этом у того, кто прибыл по мою душу. Да и странно будет, если я не поинтересуюсь.

– А что стряслось-то? – спросил я. – Где Мишка? Обещал вчера зайти, да видимо, закрутился.

Вот хрен его знает – говорят так сейчас «закрутился» или это жаргонизм более позднего времени?

Но товарищ в кожаном вопрос понял.

– Вчера в округе видели банду Левашова. Сабель тридцать – не меньше. Туда уже бросили ЧОН, ну и наших на усиление. Народу осталось с гульки хвост. Так что каждый штык на счету.

– То есть Мишка там? – облегчённо вздохнул я.

Приятно знать, что твой друг хоть и находится на передовой, но с ним ничего не случилось.

– Без него точно никак, – усмехнулся товарищ в кожаном.

Меня подмывало спросить собеседника, как его зовут, сославшись на всю ту же амнезию, но я не успел.

Появилась санитарка с ворохом одежды. Очевидно, это мой гардероб, то есть гардероб настоящего Быстрова, который до выписки держали в кладовой госпиталя.

Поглядим, в чём довелось рассекать моему старому «я».

Собственно, всё вполне ожидаемо. Гимнастёрка явно из старых запасов ещё царской армии, о чём свидетельствовали шлейки для погон. Вытертые галифе. Как ни странно – никакой «будёновки», или «фрунзевки», а то и «богатырки» (хрен знает, как в данное время называют данный головной убор), вместо неё какая-то мятая фуражка, зато с красной звездой. Из положительного – свежевystиранный комплект нижнего белья. Мама дорогая, да я в точно такой же рубаше и кальсонах срочную проходил. Вот она – преемственность традиций почти на века.

И чуть не забыл: портянки (тоже свежие) и стоптанные сапоги, кстати, не кирза – её ещё не придумали.

С наматыванием портянок никаких проблем – этой нехитрой науке меня в армии туго научили, вовек не забудешь. Кто бы что ни говорил о берцах, но в ряде случаев сапоги и «онучи» предпочтительнее. Можете клеймить меня ретроградом!

Само собой, укладываться в армейский норматив сорок пять секунд от меня в данный момент не требовали, однако собрался я быстро. Да собственно, чего тут собираться – как нищему: только подпоясаться.

«Кожаный» оглядел меня со всех сторон и удовлетворённо кивнул:

– Порядок!

Было в нём что-то от унтера прежних времён. Впрочем, не удивлюсь, если так оно и есть. Почти все, кто постарше меня, успели повоевать не только в Гражданскую, но и в Первую мировую.

У больницы нас ждал легковой автомобиль, за баранкой которого сидел ещё один товарищ в кожаной куртке, только вместо кепки на его голове был шлем, а на глаза надвинуты очки-«консервы».

Крепыш сел рядом с водителем, я разместился на мягком сидении сзади.

Мотор несколько раз чихнул, потом машина завелась, и мы поехали.

Мне наконец-то представилась возможность оглядеться.

Пока увиденное не впечатляло. Не особо большой губернский город, застроенный преимущественно одно-двухэтажными домами. Почти все деревянные, изредка попадались строения, в которых первый этаж всё-таки был кирпичный.

Дорога разбитая, полная грязи, луж и ям.

Разумеется, никаких тебе светофоров и пешеходных пе-

реходов. Да откуда им взяться, если и правила дорожного движения пока отсутствуют как явление... ну, как и ГАИ само собой.

В любой миг под колёса могла броситься хоть ватага играющих детишек, хоть случайные пешеходы, да те же собаки, для которых авто было страшной экзотикой, и они регулярно извещали об этом залиvistым лаем.

Мы ехали минут пятнадцать, и за всё это время нам попались только два других автомобиля: нещадно чадающий грузовичок с открытой всем ветрам кабиной – что-то вроде «полуторки», и ещё одна легковая, явно другой модели и выглядывшая более солидной. Каким-то чудом на ней умудрилось ехать не менее десятка пассажиров.

А так народ передвигался исключительно пешком или на гужевом транспорте.

Ещё обратил внимание на то, как много садов – практически каждый дом обнесён чем-то вроде палисада, а за ним произрастают деревья.

Это хорошо, зелень я люблю.

Ну и воздух – кто постоянно живёт в загазованном мегаполисе, меня поймёт.

Дышалось здесь иначе, очень легко и свободно. Можно было вдыхать полной грудью и с не меньшим наслаждением выдыхать.

Внезапно дорога стала лучше, автомобиль выехал на мостовую. Да и дома заметно похорошели. Появились пол-

ностью каменные строения с оштукатуренными фасадами. Стали чаще мелькать вывески: рестораны, синематограф (да, пока что это именно так называется, да и слово «фильм» — ещё женского рода), куча разнообразных лавок, цирюльни, аптеки...

По всем приметам, мы в городском, а следовательно, и деловом центре.

Машина подкатила к отдельно стоящему особняку из красного кирпича.

У центрального входа, выполненного в виде древнегреческого портика с треугольной крышей, с высоким крыльцом и обрамлением в виде колонн, стоял боец с винтовкой. К классической «трёхлинейке» был примкнут не менее классический русский четырёхгранный игольчатый штык — страшное оружие в умелых руках.

Время от времени хлопали высокие деревянные двери, кто-то входил, кто-то выходил. Чуть в сторонке от крыльца находилась коновязь, возле которой стояли всхрапывающие кони.

В другой стороне расположилась коляска со скучающим извозчиком, рассевшимся на облучке. Рядом «присоседилась» обычная крестьянская телега, вот только вместо мужичков на ней восседали трое вооружённых красноармейцев.

Я тут же машинально сделал для себя отметку — не вздумать называть бойцов Красной армии солдатами. А то вы-

рвется автоматом и пиши пропало... Если получится написать.

Наша тачка припарковалась у входа.

Крепыш вылез первым, я за ним.

Пока необходимости задавать вопросы не было, мне предстояло следовать в фарватере этого товарища в кожаной куртке. Ну, а кем он является – это я выясню в самом ближайшем будущем.

Крепыш поздоровался с часовым, я на всякий пожарный тоже кивнул и получил ответный кивок. Боец явно знал Быстрова.

Стоило переступить порог, как сразу повеяло до боли родным. Почти как в ОВД, в котором я служил, разве что с поправкой на время.

Как же мне всё это знакомо! Почти как дома!

Сразу за дверями начинался длинный и гулкий коридор, от которого по обеим сторонам отходили помещения. На дверях висели таблички, изготовленные в разное время и поэтому отличавшиеся как формой, так и материалом, и цветом.

Первым нас встретил дежурный.

Он сидел за длинным канцелярским столом, на суконном покрывале которого стоял телефонный аппарат. Перед дежурным лежала раскрытая амбарная книга с линованными страницами – видимо, какой-то журнал: то ли посещений, то ли происшествий.

А вот «обезьянника» я пока не заметил, но учреждение,

подобное губрозыску, не может обойтись без чего-то в этом роде. Наверное, он находится где-то в глубине коридора, а то и вовсе в подвале. Я видел зарешечённые оконца на уровне чуть выше земли – значит, тут есть и цокольный этаж.

Мы поднялись на второй этаж по широкой мраморной лестнице, покрытой красной, стоптанной тысячами подошв ботинок и сапог дорожке.

Тут был не менее длинный и гулкий коридор, правда, в отличие от первого этажа возле почти каждой двери имелись сколоченные из досок лавочки, и ни одна из них не пустовала.

Периодически двери распахивались, кого-то выпускали, кого-то наоборот запускали.

Навстречу конвой, моряка (как их сейчас называют – краснофлотцами?) и, судя по надписи на петлице, пришитой к воротнику рубах, бойца ЧОН, провёл угрюмого лохматого мужика с такой физиономией, что сам Ломброзо мог бы использовать его в качестве доказательства своей теории о морфологических признаках, присущих преступникам.

Уж на что мне было не привыкать, но от этого типа веяло такой угрозой, что она чувствовалась на расстоянии в несколько шагов. – Что, поймали-таки Федьку Ковалёва? – обрадованно произнёс крепыш, когда конвойные поравнялись с нами.

Матрос удовлетворённо кивнул.

– Да уж, пришлось за ним побегать.

– А что он такого совершил? – не выдержал я и получил в ответ немой вопрос сразу в четырёх парах обращённых на меня глаз.

– Быстров, ты что? – первым опомнился кожаный. – Это же Федька Коваль, старообрядец. Он живьём три десятка человек замуровал, включая жену и дочерей.

– Вот урод, – не выдержал я.

Федька отвёл взгляд. Кажется, ненависть в моём голосе подействовала на него.

– Ты его ко мне отведи, – продолжил кожаный. – Я сам его допрошу вместе со следователем.

– Сделаем, – пообещал матрос.

Процессия продолжила движение, ну а мы подошли к двери, на которой висела табличка «Оперчасть губроз». А что – прикольно звучит!

– Ты к себе иди, – велел кожаный, – а я к следователю заскочу. Вопросы есть?

– Есть, – признался я. – Чем заниматься в первую очередь?

– Я же сказал – пока бумагами. Сводки почитай, дела прошей – ну сам знаешь. И не бойсь – не забудем. Как только нужда в тебе возникнет, сразу подключу. Понял?

– Понял, – вздохнул я и толкнул незапертую дверь.

Она отворилась со скрипом давно несмазанных петель.

Ну, здравствуй, новая – старая работа! Как я по тебе соскучился!

Глава 5

Я вошёл в кабинет и, поскольку, кроме меня, больше в нём никого не было (как там сказал товарищ в кожанке – уехали какого-то Левашова брать?), стал осматривать помещение.

В жизни не скажешь, что это «штаб-квартира» оперсостава – на вид что-то среднее между учительской в школе и конторой средней руки.

В глаза сразу бросились письменные столы: их было пять штук и все разные. Значит, набирали по принципу «с бору по сосенке».

Какой же из них мой? Я попробовал обратиться к внутренней памяти Быстрова, но в душе ничего не ёкнуло.

Ладно, пойдём от обратного. Если уж я оказался в теле оперативника двадцатых годов прошлого века, наверняка, именно Егор Быстров был выбран не случайно. Что-то нас роднило, и не только одинаковые имя и отчество.

Какой стол выбрал бы я, Георгий Победин?

Этот? Нет, слишком близко к окну с плохо законопаченной рамой – сквозит из каждой щели! Терпеть не могу сквозняков и вряд ли бы выбрал этот стол.

Забраковав ещё два, остановил выбор на расположенном в углу письменном столе, который частично перекрывался массивным сейфом или, как иногда говорят, несгораемым шкафом.

Терпеть не могу оставаться на виду. Если мы с Жорой (хм) Быстровым чем-то близки, наверняка это его рабочее место.

Поверх столешницы лежало стекло – этот факт вдруг вызвал у меня приступ веселья: точно такое же было у меня дома во времена детства. Под стеклом я держал всякие полезные бумажки: формулы, правила русского языка, телефоны друзей и прочие нужные вещи, которые не всегда помещаются в памяти.

Даже если я ошибся, всё равно этот стол будет моим!

На столешнице не было ничего, кроме настольной лампы с медным абажуром, высохшей чернильницы и гранёного стакана, в котором, как три тополя на Плющихе, стояли три пера «Рондо» с деревянными ручками.

Я снова испытал приступ ностальгии, вспомнив, как когда-то ходил на почту и ко-рябал точно таким же пером тексты отправляемых родителям телеграмм.

В школе класса до восьмого мы тоже писали перьевыми ручками – они были нескольких типов: с пипетками на конце или поршневого типа. Когда заканчивались чернила, просили соседей по парте капнуть на бумажку, а потом засасывали или закачивали тёмно-синюю густую жидкость внутрь ручки.

Как я ни старался, всё равно вечно пачкал руки, а порой и манжеты на рукавах рубашек.

А вот цвет школьной формы прекрасно маскировал случайно пролитые чернила.

Так, хватит предаваться воспоминаниям.

Начальство, а товарищ в кожанке вряд ли был из рядового состава, приказало ознакомиться со сводками. Где бы их взять?

Логично предположить, что у дежурного.

Я покинул кабинет (кстати, непорядок, что он не запирается – нас бы за такое в моё время расстреляли бы через повешение), спустился на первый этаж и забрал у дежурного целую кипу макулатуры.

Посмотрим, как тут поставлено внутриведомственное информирование.

Принёс в кабинет, положил на стол перед собой, включил настольную лампу – слава богу, что электричество не отключили, и углубился в чтение.

Материалов действительно было много, и по мере их изучения картинка складывалась нерадостная.

«Информационно-Инструкторский подотдел Отдела Управления Губисполкома предлагает выяснить личности Дарьинской милиции путем точного заполнения анкет, а также выяснить на месте и должность и отношение к населению, так как крестьяне определенно заявляют, что милиция в большинстве состоит из бандитов...»

Господи, неужели ничего не меняется, даже спустя сто лет... У нас в соседнем ОВД так целый отдел закрыли – мужики мутили темы не хуже бандитских.

«20 июня сего года в дом гражданина деревни Михайлов-

ки Андреевской волости Якова Прокопенко в 7 часов утра ворвались бандиты с требованием денег. Не получив требуемого, бандиты связали хозяина за руки, зажгли сальные свечи и начали ими прижигать тело».

Дежавю и только! С одним исключением: при мне всё больше утюги или паяльники шли в ход. Преступность постепенно взяла на вооружение технический прогресс.

«6 мая тремя вооруженными был встречен милиционер Скрыпник, сопровождавший 2 арестованных. Милиционер убит, арестованные отпущены».

Царствие небесное павшему на боевом посту! Мне тоже приходилось терять товарищей. И нет ничего хуже, чем сообщать эту горькую весть его родным и близким. Кто сталкивался, тот поймёт.

Следующим в руки попал документ, составленный коллегами из соседней губернии. Там ищут некоего Ивана Трубку, список обвинений более чем впечатляющий: бандитизм, убийства...

Вот же мразота!

К письму приложен довольно тусклый фотоснимок. Судя по надписям с обилием «ятей» на обратной стороне – информация из чудом сохранившихся архивов ещё царских времён.

Почему чудом сохранившихся? Да по той простой причине, что ещё при Временном правительстве был нанесён серьёзнейший урон органам внутренних дел. Кто-то хорошо

заметал следы, убирая все улики.

Потом, правда, пытались перевести стрелки на большевиков. Дескать, рушили мир до основания, боялись, что выяснится, кто из них оказался «сексотом» у царской охраны, а то и вовсе занимался криминалом.

У советской, как и у любой другой власти, косяков, конечно, хватало, но архивы начали разорять гораздо раньше.

Не стоит удивляться глубине моих познаний на сей счёт: об этом не раз рассказывали на экскурсиях в музеях органов МВД.

К фотоснимку ещё приложили словесный портрет, но он был настолько скуден и невыразителен, что под это описание подходило, наверное, не менее половины встреченных по дороге мужчин. И описание одежды тоже вряд ли пригодится: оно практически один в один с моей – хоть сейчас арестовывай!

Да, профессионализм у соседей хромает, им ещё учиться и учиться.

Прошло не меньше часа, прежде чем в кабинет заглянул человек в кожанке.

– Чем занимаешься, Быстров?

Я привстал, одёрнул гимнастёрку: у полиции субординация не такая строгая, как в армии, но начальство всё равно необходимо уважать, и бодро отрапортовал:

– Согласно вашему распоряжению изучаю сводки.

– Бросай всё, пошли со мной.

– Есть, – пожал плечами я. – Разрешите только сводки дежурному вернуть.

– Давай. И через две минуты будь в моём кабинете. Дело есть.

Я аккуратно сложил бумаги и снова поспешил на первый этаж.

Дежурный взглянул на меня слегка удивлённо, но ничего не сказал. Мало ли что приключилось? Может, у оперативников снова горячая страда...

В этот момент в коридоре появились трое в новёхоньком обмундировании, явно недавно полученном со складов. На этот счёт у любого служившего человека глаз намётанный. Прежде чем форма сядет на бойца как надо, её придётся потаскать и поистрепать.

Один из этой троицы: высокий, скуластый, с густыми восточными бровями, сходявшимися на переносице, спросил слегка охрипшим голосом:

– Товарищи, не подскажете, где мне найти начальника губрозыска товарища Смушко?

Я предположил, что Смушко и есть тот самый человек в кожанке. Все повадки выдавали в нём серьёзное начальство.

Дежурный с интересом посмотрел на скуластого:

– Простите, а вы по какому вопросу?

Тот отреагировал спокойно, достал из-за пазухи бумагу и показал дежурному:

– Мы, товарищ, из губотдела ГПУ.

Я хмыкнул. Ну вот, смежники пожаловали. С этого года ВЧК реформировали и превратили в ГПУ, организацию, которая наряду с политическим сыском занимается и вопросами борьбы с бандитизмом.

Самих «гэпэушников», как собственно и нынешних коллег из ФСБ, по старой памяти и традиции по сию пору называют «чекистами».

Интересно, что их к нам привело? Что-то нарыли и теперь спешат поделиться информацией? Это вряд ли, контрора предпочитает темнить, такая у них специфика.

– На втором этаже, после лестницы направо. Третья дверь слева. Там ещё табличка будет – «Начальник губрозыска», – отрапортовал дежурный и, кивнув на меня, попросил:

– Жора, покажи товарищам, где у нас кабинет начальника.

Я помнил последовательность действий (второй этаж, направо, третья дверь слева) и без тени беспокойства произнёс:

– Какие вопросы... Пройдёмте за мной, товарищи. Мне как раз тоже необходимо к товарищу Смушко.

– Хорошо, ведите, – бросил скуластый.

Удивительно, но почему-то показалось знакомым его лицо, причём было чувство, что видел я его недавно, уже здесь.

Может, в госпитале встречались? Ко многим приходили навещать родные и знакомые. В принципе, вполне вероятно.

Мы подошли к кабинету начальника. Я потянулся к ручке двери, но чекисты довольно бесцеремонно оттеснили меня и вошли первыми.

Предбанника для секретарей, да и самого секретаря у Смушко не имелось.

Кстати, догадка оказалась верной – это он забрал меня из госпиталя.

Начальник сидел за письменным столом и что-то записывал в обычную ученическую тетрадку. Увидев нас, он опустил трубку и вопросительно вскинул подбородок:

– В чём дело, товарищи?

– Губотдел ГПУ, – отрекомендовался скуластый. – У меня мандат. Велено доставить задержанного Фёдора Коваля к нам.

– Покажите, пожалуйста, ваши бумаги.

Скуластый снова полез за пазуху:

– Это моё удостоверение.

Он обернулся к спутникам.

– И вы, товарищи, тоже предъявите документы.

Те спорить не стали.

– А это мандат, – скуластый положил перед Смушко какую-то потрёпанную бумагу, которую начальник губрозыска принялся пристально изучать.

Очевидно, всё было в порядке, и Смушко, вызвав дежурного, велел тому привести в кабинет Коваля со всеми вещами для передачи сотрудникам ГПУ.

– Узнать-то можно, чего это он вдруг вам понадобился? – как бы между прочим спросил Смушко.

Скуластый усмехнулся.

– Можно. Но только от моего начальства.

– Понятно, – вздохнул Смушко. – Секретничаете, значит. Чекист пожал плечами, но ничего не сказал.

Арестованного привели минут через пять. Узнав, что его передают в ГПУ, он страшно побледнел. Репутация у органов та ещё. Наводит страх даже на такую сволочь, как Коваль. После выполнения всех формальностей чекисты ушли, забрав арестованного с собой.

Смушко печально повёл правым плечом:

– Жаль. Я думал, что сами его раскрутим. Ну... ничего, с чекистами тоже шутки плохи. Они из него всё выжмут.

И тут меня бросило в жар. Теперь я понял, почему лицо скуластого показалось мне таким знакомым. Разумеется, это была догадка, но я всеми фибрами души понял, что вероятность ошибки нулевая.

– Товарищ Смушко, – взволнованно произнёс я.

– Что? – недовольно вскинулся начальник губрозыска.

– Боюсь, мы совершили страшную ошибку. Это не сотрудники ГПУ, а ряженные. Я узнал их старшего. Видел в сводках его фотографию и описание. Никакой это не чекист, а бандит по фамилии Трубка.

– Ты уверен?

– Абсолютно, – твёрдо объявил я.

– Твою мать! – взревел, как раненый лев, Смушко.

Он бросил взгляд на меня:

– У тебя оружие есть?

– Нет, ещё не получил, – с горечью признал я.

Признаюсь, что этот вопрос как-то выпал из поля моего зрения. Всё же слишком неожиданно меня дёрнули из госпиталя.

Смушко рывком выдернул ящик из письменного стола, вытащил из него револьвер и отдал мне. Сам извлёк из кобуры «Маузер».

Я крутанул барабан своего «Смита-Вессона», чтобы проверить все ли пули на месте. Да... оружие это вещь! Сразу ощущаешь себя человеком!

– Бегом за бандитами, Быстров! – скомандовал Смушко и ломанулся первым, подавая пример.

Глава 6

Мы вихрем вылетели из кабинета начальника УГРО (твою дивизию, и он не запирается!) и стремглав понеслись по лестнице, перепрыгивая через ступеньки и сбивая с ног встречных.

Ошарашенный дежурный при виде нас чуть не подпрыгнул. Уж больно красноречиво мы выглядели: раскрасневшиеся, с револьверами в руке.

– Где чекисты? – проорал Смушко.

– Так это... минуты две назад вышли с Ковалем. Всё как вы велели, – испуганно пролепетал дежурный, догадываясь, что на его беду приключилась какая-то нештатная ситуация.

Мы с начальником выматерились в один голос. Надежда застать ряженных в здании испарилась.

Не сговариваясь ломанулись к дверям, сшибли какого-то пузатого дядьку, выскочили на крыльцо.

Ядрён батон, не видать наших «чекистов»! Не могли же они раствориться в воздухе!

Тут меня осенило, и я подскочил к часовому у крыльца:

– Отсюда вышли четверо, трое в новой форме, вели арестованного... Где они?

– Так в бричку сели и уехали, – с удивлением ответил чоповец.

– В какую сторону?

Боец махнул рукой.

– Туда.

Бандиты укатили на экипаже, бегом их не догнать. Я слегка растерялся.

Транспорт... Нужен транспорт, вот только где его взять?

– К авто, – скомандовал Смушко и помчался первым.

Кинулись к припаркованной рядом со зданием ГУБРО машине. На нём мы сюда и приехали.

И снова облом!

– Японский городской! – Меня переполняла такая злость, что я пнул шину.

Как нарочно, шофёр отсутствовал. Где его носило, не знали ни я, ни начальник ГУБРО. Да и времени на поиски физически не было. У бандитов и без того серьёзная форa. Промедлим – хрен догоним.

Я недооценил своего нового начальника. Смушко отсутствие водителя ни капли не смутило.

Вот жеж и жнец, и швец, и на дуде игрец! Прямо-таки специалист универсального профиля!

Он сам прыгнул на место водителя, а я завёл этот «шарабан» с помощью «кривого стартера». Хорошо хоть, машина находилась в отличном состоянии и долго крутить рукоятку не понадобилось.

Как только двигатель затарахтел, я заскочил в кабину с опущенной крышей и сел рядом со Смушко. Сама ситуация, что начальник везёт подчинённого могла показаться немно-

го комичной – но в жизни всякое бывает, тем более в нашей, милицейской.

Сейчас же в голове крутилась только одна мысль: лишь бы догнать ряженных. Вопрос – справимся ли мы с четырьмя бандитами, трое из которых точно вооружены, я в расчёт даже не брал. Обязаны справиться и никаких гвоздей!

И снова немного ментовского фарта. Как только авто набрало скорость, стало ясно: а тачка-то у нас резвая. Не гоночный болид, но по меркам начала двадцатого столетия очень даже ничего. А значит – есть шансы догнать!

Бричку с бандитами заметили сразу, она преспокойно катила себе по центральному проспекту.

«Вот наглецы», – поразился я про себя.

С другой стороны: правильно сделали, стали бы гнать – привлекли к себе ненужное внимание.

Было бы наивно думать, что бандиты прохлопают ушами и не обнаружат погоню. На такую удачу никто, собственно, не рассчитывал.

Рёв автомобиля привлёк себе внимание ряженных, бричка набрала темп.

– Заметили, сволочи! – ругнулся Смушко.

– Быстрее сможете?

– Попробую. Лишь бы мотор не вскипел!

Он втопил в пол педаль газа, выжимая из машины по максимуму. Дистанция уменьшилась. Я уже отчётливо видел спины пассажиров на заднем сидении.

Раз те уже знали, что за ними идёт погоня, терять нам было нечего. Смушко нажал на клаксон. Тот издал звонкий, но жутко противный звук, похожий на утиное кряканье.

Почему Смушко так поступил, понятно. Надежда, что бандиты испугаются и сдадутся, была слабенькой, однако попробовать стоило.

Последствия не заставили себя ждать. Народ в бричке попался тёртый, на слабо их не взять. Будут спасать собственные шкуры до конца.

Один из «чекистов» привстал, обернулся в нашу сторону и выстрелил, даже не целясь.

Сложно попасть, когда тебя бросает из стороны в сторону. Пуля пролетела мимо, кажется, не зацепив никого из случайных прохожих.

Однако на Смушко выстрел подействовал, он машинально крутанул баранкой, машина вильнула и ушла в сторону, чуть не въехав в дощатый забор.

– Ты что творишь... твою мать! – выпалил я, напрочь забыв о субординации.

Надеюсь, мне это не аукнется в будущем. Вроде начальник производит адекватное впечатление и должен понимать, что я кричал на него сгоряча. Если же не поймёт... работа под его руководством станет каторгой.

Что тогда? Уволюсь нахрен!

Смушко чудом смог вырулить. Мотор не заглох, и мы снова понеслись по дороге, сокращая расстояние между нами и

бричкой.

– Ничего, догоним! – зло ощерившись, пообещал начальник губрозыска. – И тогда эти суки у меня попляшут!

Я пожалел, что не отобрал винтовку у чоновца. Понятно, это было бы против всяких правил: часовой на посту – лицо неприкосновенное, сам бы я в жизни не отдал никому боевое оружие, но из «мосинки» у меня было больше шансов достать кого-то из ряженных, а в идеале снять кучера.

Ещё один выстрел из брички, и снова пуля ушла в «молоко». На сей раз Смушко не стал вилять в сторону, а сидел, вцепившись в руль бульдожьей хваткой, и по-прежнему давил на газ.

С досады «чекист» стал палить в нас снова и снова, пока не разрядил револьвер. После чего снова бухнулся на сиденье перезаряжать револьвер.

Меня подмывало выстрелить в ответ, но я пригасил эмоцию: результат будет не лучше. Только патроны понапрасну переведу.

Не знаю, как насчёт ряженных, а у меня с собой только те, что в барабане «Смит-Вессона», то есть всего шесть маслят. Долго воевать с таким арсеналом не получится.

Если бандитам было плевать, что они могут зацепить кого-то из посторонних, то для меня было принципиально избежать случайных жертв. Значит, стрелять имеет смысл так, чтобы уж наверняка.

Плохо, что бричка – не авто, можно было бы попробовать

прострелить шины, даже из слабоватого «Смита-Вессона». Но что есть, то есть. Исхожу из этого.

Удачный момент подвернулся, когда до брички осталось метров пятнадцать. Недавний стрелок снова привстал, но я его опередил, подскочил, как будто ужаленный в одно место, и, цепко схватившись за верх лобового стекла, нажал на спусковой крючок.

Револьвер дёрнулся, выплёвывая свинцовый гостинец. Я целился в область живота, как известно, он большой и мягкий, но вышло тоже неплохо: пуля угодила в область маленькой и твёрдой башки лже-чекиста. Что называется – наповал. Бандит свалился и больше не вставал.

Второй его подельник был осторожней, он выставил руку со своего бока экипажа и, стараясь не попадаться на прицел, стал выпускать по нам пулю за пулей.

Поскольку гадёныш находился по отношению к нам слева, Смушко резко бросил автомобиль в правую сторону и так же резко выпрямил.

Ни начальника, ни меня не зацепило.

Более того, нам удалось-таки нагнать бричку, и Смушко «боднул» экипаж передком автомобиля.

Послышался страшный треск, бричка буквально развалилась на части.

Хрен его знает, как называется крепление, с помощью которого лошади волокли экипаж: оглобли или по-другому... В общем, неважно. Главное, что это дело оторвалось, и чет-

вероногие с храпом и ржанием устремились вперёд, оставляя человеческий груз позади.

Автомобиль затормозил.

Я выскочил из кабины, в два прыжка поравнялся с развалинами «кареты» и сразу нарвался на Трубку. Злодею досталось, но не настолько, чтобы он потерял сознание.

В руке у Трубки был револьвер, а ствол направлен в мою сторону. Я мог бы выстрелить в него и с большой вероятностью убить, но преступников лучше брать живыми, особенно, если хочешь узнать полезную для себя и следствия информацию.

Трубка нам был нужен живым.

Менты – не спецназовцы, нас «танцевать» под пулями не больно-то учат, однако я среагировал правильно: ушёл кувырком вперёд. В ту же секунду грянул выстрел, но было поздно – я оказался рядом с бандитом и из положения лёжа что было дури влупил обеими ногами в пузо «чекиста». Очевидно, угодил в солнечное сплетение.

Трубка согнулся пополам. Я успел вскочить и нанёс второй удар: на сей раз рукояткой револьвера по кумполу. «Смит-Вессон» в этом вопросе ничем не хуже полицейской дубинки, если уметь пользоваться – вырубает злодея на счёт «раз».

Оставались ещё Коваль и третий бандос. Однако бородач-старовер валялся в отключке – авария не прошла для него даром, а с ряженым уже сцепился начальник.

Сдаётся, что Смушко неплохо боксировал, он заехал в челюсть противнику таким хуком, что и Майку Тайсону было бы не зазорно.

Я мысленно поаплодировал отцу-командиру. Не прост товарищ Смушко, ой как не прост: и авто водит – а эта профессия тут распространена примерно так же, как в двадцать первом веке умение управлять реактивным самолётом, и боксирует на «пять с плюсом». А сколько в этом человеке может быть других, не менее полезных талантов?

Нет, мне определённо нравится и время, в которое я угодил, и люди, с которыми я буду работать!

Глава 7

Разумеется, погоня и перестрелка привлекли к себе внимание, и в нашу сторону со всех сторон бежали вооружённые люди: от постовых милиционеров до красноармейцев.

К счастью, Смушко многие знали, и никаких эксцессов не возникло, хотя поволноваться мне пришлось: постороннему человеку было бы очень трудно разобраться, что здесь произошло, и тогда всякое может приключиться.

Но кипучая деятельность начальника губрозыска быстро помогла устранить следы нашего побоища. Труп забрали в морг, трёх арестованных доставили в Губро. На шум примчался наш завхоз, который оперативно реквизирует то, что осталось от брички. Особенно его порадовала пара лошадей, которых отловили в конце проспекта, где они мирно стояли и пощипывали травку.

Другого столь же счастливого человека на свете ещё стоило поискать.

Начальник снова сел за баранку и отвёз меня назад, где у входа уже толпились как сотрудники милиции и губрозыска, так и посторонние зеваки.

Как выяснилось, состояние обоих, Коваля и Трубки, было таковым, что им срочно потребовалась врачебная помощь, ни о каком допросе не могло быть и речи. А вот с третьим лже-чекистом повезло. Смушко «сделал» его гораздо акку-

ратней, чем я Трубку.

– Что делать с револьвером? – спросил я.

– При себе держи. Считай, что с этого дня он твой, – милостиво разрешил начальник.

Слегка обнаглев, я заикнулся насчёт патронов, но Смушко только хмыкнул.

Ясно-понятно, и тут работает схема – крутись как хочешь. Ну... что-нибудь придумаем. Главное, что у меня теперь появилась «пушка». Со временем, может, разживусь и чем-то посолиднее. А что – я бы от маузера, как у Смушко, не отказался! И вообще, дайте два!

Поскольку я был героем сегодняшнего дня, мне разрешили присутствовать на допросе.

Допрашивали третьего ряженого в кабинете у следователя Юркевича – подвижного как ртуть толстячка, просто излучающего из себя добродушие. В его внешности было что-то от плюшевого медвежонка, он казался милым и несерьёзным, слегка несобранным, на него просто невозможно было обижаться. Не следак, а сплошное ми-ми-ми, подумал я, когда Юркевич вдруг локтём случайно смахнул со стола какие-то важные бумаги, и мы со Смушко стали их поднимать на глазах у противно ухмыляющегося бандюгана по фамилии Зайцев. При этом у Юркевича были такие виновато-просящие глаза, как у кота из мультика про зелёного огра, который так любила смотреть в детстве моя Дашка.

Но лишь стоило начаться допросу, как Юркевич преобра-

зился. Я понял, что передо мной настоящий профи, а внешняя милота – не более чем маска, позволяющая расположить к себе преступника и вывести на откровенный разговор даже закоренелого злодея. Это был ас своего дела!

Несколько фраз, и бандит, здоровенный мужик с бритой шишковатой башкой и огромными кулачищами, уже лил крокодиловы слёзы и размазывал по лицу сопли.

– Зачем вам понадобился Коваль? – спросил Юркевич.

Лже-чекист всхлипнул.

– Это Левашов – он Трубку попросил, чтобы мы его у вас увели.

Я догадался, что речь идёт о том самом бандите, на поимку которого отправились почти все наши, включая Мишку. Что-то говорили о банде числом не менее тридцати сабель. Серьёзная сила.

Наши за ним гоняются, а Левашов тем временем через своих доверенных людей в городе свои дела проворачивает. Ничего не скажешь – наглец! Надо будет при случае узнать о нём больше.

– Левашов? – поразился начальник губрозыска. – А ему-то с каких хренов этот старовер-душегуб понадобился?

– Так понятно зачем: вас, легавых, хотел по носу щёлкнуть, – простодушно ответил Зайцев. – Чтобы, значит, позор на весь свет был.

– Ясно, – кивнул Смушко и бросил на меня задумчивый взгляд.

Ну да, если бы не просмотренные мной сводки и натренированная в оперском прошлом память, план лже-чекистов бы удался. Другим словом, кроме как «повезло» – ситуацию описать сложно.

– Так и запишем – хотели скомпрометировать органы советской власти, – Юркевич макнул перо в чернильницу и старательно зачиркал в протоколе допроса.

– Чего-чего мы хотели? – захлопал глазами допрашиваемый. – Это вы в чём нас обвинять собираетесь? Ничего мы ментировать не собирались. Не пишите всякого!

Я невольно улыбнулся, но разъяснять смысл термина не стал.

– Не берите в голову, Зайцев. Лишнего мы вам предъявлять не собираемся.

Бандит успокоено вздохнул. Юркевич умел убеждать одной только интонацией.

– Кстати, – как бы между прочим поинтересовался Юркевич, – откуда Левашов узнал, что мы арестовали Ковалёва?

– Тоже мне секрет, – фыркнул допрашиваемый. – Полгорода видели, как вы его брали.

Лицо Смушко просветлело. Он явно боялся, что среди своих есть кто-то, кто работает на Левашова.

– Хорошо, это мы прояснили. Тогда ответьте, пожалуйста, на следующий вопрос: удостоверения сотрудников ГПУ и мандат, где достали? – продолжил гнуть линию следователь.

Зайцев пожал плечами.

– Это вы у Трубки спросите, когда он очухается... Ну или если очухается, а то уж больно ваш человек дерётся крепко, – он перевёл взгляд, в котором не читалось ничего, кроме испуга, в мою сторону.

– Трубка-то очухается, – заверил Юркевич. – И мы обязательно его спросим. Но что мешает вам рассказать? Чем больше будете с нами сотрудничать, тем легче будет ваша участь.

– Да я бы рассказал, коли бы знал, – грустно улыбнулся Зайцев. – Только кто ж меня в известность в таких делах ставит. Меня для другого берут.

– Ну вот про это другое вы мне сейчас и поведаете, – вежливо наклонил голову Юркевич.

Послужной список у Зайцева оказался приличным. Но я заметил вот что: он охотно сознавался в ограблениях рядовых граждан, однако как только речь заходила о государственной собственности, так его словно подменяли – куда-то исчезала словоохотливость, он даже начинал заикаться.

Сначала это вызвало у меня недоумение – откуда такая избирательность? Чего он так боится? Потом до меня дошло: в это время покушения на госимущество считались намного более серьёзными преступлениями, чем грабёж обывателей, пусть даже эти самые обыватели – граждане молодой советской республики.

Перекус, конечно, несправедливый, но их и в моё время

тоже хватало, как и резонансных дел.

«Выпотрошенного» Зайцева отправили в камеру на отдых. Юркевич решил, что завтра снова возьмёт бандита в оборот и выжмет из него ещё больше.

Я покосился на окно: уже темнело, а ведь у меня с утра и маковой росинки во рту не было. Даже по госпиталю затосковал: там меня точно ждали еда и кров.

Голодный был не только я. По распоряжению Смушко нам троим со следователем принесли по миске каши и по стакану чая.

Если каша у меня зашла на ура, то чай вызвал странные чувства. Он как-то странно пах, да и на вкус тоже был так себе. Уж лучше бы тогда простого кипяточку.

Позже я узнал, что мы пили морковный чай, подслащенный сахарином.

Через час Смушко засобирался и ушёл, Юркевич убежал домой ещё раньше.

А мне вдруг стало тоскливо. Я сообразил, что просто не знаю, где живу!

Как-то закрутился и забыл поведать начальству «легенду» об амнезии, тот, глядишь, и просветил бы меня насчёт адреса.

Что делать? Да спать ложиться в кабинете. Чай не впервой на работе ночью. Утро вечера мудренее.

Я зашёл в кабинет и снова осмотрел скудную обстановку. Небогато «живёт» оперсостав...

Надо бы у завхоза при случае выцыганить какой-нибудь диванчик. Как ни крути, сегодня я ему подогнал царский подарок – сразу двух лошадей. Неужели он не пойдёт навстречу и не раздобудет под нужды оперсостава какую-нибудь мебель, на которой можно было бы вздремнуть при возможности.

Оно, конечно, официально не поощряется руководством, однако Смушко мужик вменяемый. Войдёт в положение.

И на чём мы сегодня будем ночевать? Столы отпадают – они слишком разные по высоте, если их составить вместе, и перепады весьма ощутимые.

На полу? Ну нет, хоть товарищ Быстров молодой, физически крепкий и здоровый парень, но и у него может в самое неподходящее время «прострелить» поясницу.

Тогда остаются стулья – выстрою их рядом, они почти одинаковые.

Решено, сплю на них. Оно, конечно, утром все бока себе отлежу, но за неимением гербовой...

Пошёл в коридор, чтобы навестить «фаянсового друга». Кстати, мужской клозет был вполне приличный, содержался в полном порядке. Как справедливо отмечал один из моих прошлых начальников: чистота начинается с туалета.

Ещё бы зубы почистить, но нет ни зубной щётки, ни порошка.

Когда возвращался из туалета, столкнулся в коридоре с уже знакомым матросом – он был в числе тех, кто утром кон-

воировал Ковалю.

– А ты что тут делаешь? – удивился матрос. – Сегодня же я на ночь заступаю. Домой топай, братишка. Не хрен тебе тут шататься.

Ага, домой... Зашибись. Знать бы ещё, где эта улица и где этот дом.

Я задумчиво посмотрел на моряка. Может, узнать у него, где я живу? Вроде парень ничего. Немного разбитной, как многие мореманы, но...

Вместо ответа я пожал плечами:

– Да так, пока в госпитале валялся, накопились дела. Чтобы совсем не зашиться, привожу в порядок. Видимо, придётся тут заночевать. Домой уже поздно идти...

– А-а-а, – протянул матрос. – Ну тогда пойдём к нам, у меня тут лишняя шинель завалилась. Возьми – накроешься. Только утром верни – не зажил. А то знаю я вашего брата – сухопутного!

– Само собой верну, – обрадовался я. – Даже не думай!

– Да я и не думаю! – матрос зевнул. – Эх, а мне через пятнадцать минут на ночной обход. Завидую я тебе, Быстров. Можешь спать совершенно спокойно, пока твой сон охраняет бывший комендор эсминца «Азарт», по причине ранения списанный на берег.

– Иди, охраняй, гидромилитционер! – усмехнулся я.

Мы с удовольствием обменялись рукопожатиями, и я пошёл спать.

Кое-как составил стулья и завалился на них, накрывшись солдатским «одеялом», пропахшим табаком и средством от моли.

Надо же... первый день на службе и сразу погоня с перестрелкой. Страшно подумать, какие сюрпризы ждут меня завтра.

С этими мыслями я провалился в глубокий сон.

Глава 8

Крышку открыли, поставив гроб на стылую землю.

– Можете проститься с усопшим, – сказал похоронный агент и деликатно отошёл в сторону.

– Иди, солнышко, – супруг подтолкнул Дашу. – Простись с отцом.

Девушка очнулась, на плохо сгибающихся ногах подошла к гробу, в котором лежал самый дорогой и самый близкий человек на свете.

Тело только что привезли с отпевания, которое происходило в церкви на кладбище. Место выбрали рядом с мамой... Когда той не стало, папа сделал для Даши всё, что было в его силах и даже больше. Он стал ей настоящим другом, она доверяла ему свои маленькие секреты и большие взрослые тайны.

В их классе были девчонки, которым доставалось от родителей. Папа никогда не трогал её даже пальцем. А если Даша в чём-то провинилась, умел так поговорить с ней, что сразу становилось ясно: больше так поступать она не будет.

Она склонилась над телом отца. Тот лежал умиротворённый и очень спокойный. Словно не умер, а ненадолго заснул и вот-вот проснётся.

Она коснулась губами его морщинистого лба и разрыдалась.

Папа, папка! Неужели мы больше никогда не увидимся? Неужели сейчас закроют гроб, опустят в свежевырытую глубокую могилу и всё... Ты уйдёшь навсегда...

* * *

– Жора, ты чего тут разлёгся?

Голос Миши вырвал меня из сна, в котором я вдруг явно представил то, что происходит в прошлой моей жизни.

Внутри меня всё просто переворачивалось, я был готов отдать всё, чтобы оказаться сейчас рядом с дочерью, успокоить её, обнять, сказать, что всё будет хорошо, что за мной она как была, так и всегда будет как за каменной стеной.

Но это был сон, всего-навсего сон...

Когда-то я обещал жене, что умру раньше её и... обманул. После смерти любимой Даша была моей единственной отрадой в жизни.

Как мне утешить её? Как облегчить душевные муки?

С глазами полными слёз я поднялся с импровизированной лежанки из стульев.

Мишка внимательно оглядел меня и спросил с неподдельным участием:

– Жора, что-то произошло?

– Ничего, – я сделал над собой невероятное усилие, чтобы голос не дрогнул.

Мой отец когда-то говорил, что настоящие мужики не плачут. Собственно, я никогда и не видел его плачущим. Расстроенным – да.

Не надо слёз, опер, не надо слёз! Всё равно они делу не помогут.

– Ну-ну, – недоверчиво протянул Мишка. – Так что, здесь ночевал? Полундра ведь заступал... Я его только что видел.

Полундра? А, это, наверное, матрос, который поделился шинелью. Надо бы вернуть её, кстати, пока не забыл.

– Всё очень прозаично, Миша. У меня, как ты знаешь, провалы памяти, и я понятия не имею, где живу, – пояснил я причину, по которой всю ночь промучился на стульях.

– Етишкина жизнь! – воскликнул он. – Точно! Как я не догадался! Тогда знаешь что – днём я тебя отведу, покажу, куда тебя на постой определили.

– Спасибо заранее, Миша, – поблагодарил я и провёл ладонью по щетинистому подбородку. – Заодно хоть побреюсь.

Дашка приучила меня бриться каждый день. Уж больно любила она прижиматься лицом к моим щекам и была недовольна, когда те кололись. А привычка, как известно, вторая натура. Никуда не денешься.

– Да, брат, побриться тебе точно не помешает. И в баньку сходить... А то пропах, понимаешь, медицинскими запахами, – подмигнул приятель. – Барышни за версту обходить будут.

– Не до барышень пока, – сказал я.

– А вот здесь ты не прав... Пользуйся случаем, пока не охомутили, – засмеялся Мишка.

В прошлом я любил только четырёх женщин: бабушку, маму, жену и Дашку. Смогу ли полюбить пятую?

Я успел уже рассмотреть себя в зеркале. Этот Георгий походил на меня: мы были примерного одного роста, разве что весил он поменьше, но это меня, когда сороковник стукнул, слегка разнесло. Как смеялись мои ровесники: в таком возрасте несолидно носить костюмы меньше пятьдесят четвёртого размера. Правда, у меня был пятьдесят второй.

Что касается лица... ничего особенного. Не тот случай, когда для того чтобы понравиться женщинам, достаточно одной внешности. Девки штабелями к ногам точно падать не будут. Да и не нужно оно мне. Я относился к категории одноплюбов и любил добиваться всего сам.

Для мужика самое главное – это мозги. Всё остальное лишь приложение.

Ещё порадовала приличная шевелюра на голове. Тот «я» к тридцати уже порядком облысел, приходилось коротко стричься. Жена говорила, что это делает меня брутальней. Может, и прикалывалась... Она вообще у меня любила пошутить.

Ну вот... вспомнил любимую, дочку и снова стало хреново на душе. Будто кошки изнутри расцарапали.

Не хватало ещё расклеиться, блин.

Чтобы вновь собраться, сменил тему:

– Смушка сказал, что вы Левашова ловить поехали. Получилось?

Настроение Мишки резко переменилось. Он погрустнел.

– Ушёл, зараза! За час до нашего прибытия с места снялся и в леса ушёл. А они у нас знаешь какие – можно сто лет прочёсывать и всё без толку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.